

Говард Джейкобсон

МЕНЯ ЗОВУТ ШЕЙЛОК

Кавер-версия
«ВЕНЕЦИАНСКОГО КУПЦА»
УИЛЬЯМА ШЕКСПИРА

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д40

Howard Jacobson

SHYLOCK IS MY NAME

Copyright © 2016 by Howard Jacobson

First published as The Merchant of Venice by Howard Jacobson.

The Author has asserted the right to be identified as the author of the Work

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Татьяны Зюликовой*

Художественное оформление серии и переплета:
Александр Кудрявцев, студия графического дизайна
«FOLD & SPINE»

Джейкобсон, Говард.

Д40

Меня зовут Шейлок : [роман] / Говард Джейкобсон ;
[пер. с англ. Т. Зюликовой]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 352 с. — (Шекспир XXI века).

ISBN 978-5-699-98877-8

Где можно встретить шекспировского героя, чтобы поговорить с ним и пригласить к себе домой? Герой романа Саймон Струлович встречает Шейлока из «Венецианского купца» на кладбище. У двух персонажей много общего: оба богаты, у обоих умерли жены, а дочери выказывают излишнюю независимость. Это только начало сложной дружбы.

Обладатель Букеровской премии Говард Джейкобсон издевательски передает букву и дух Шекспира — с иронией и остроумием.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-98877-8

© Зюликова Т., перевод на русский
язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Посвящается памяти
Уилбура Сандерса*

Как получилось, что за столько лет дружбы и чтения совместных лекций о Шекспире мы ни разу не обсуждали «Венецианского купца», объяснить я бессилён. Глубоко сожалею, что мы не можем обсудить и сейчас.

ПОРЦИЯ: Который здесь купец? Который жид?

ДОЖ: Антонио, старый Шейлок, — подойдите.

ПОРЦИЯ: Зовут вас Шейлок?

ШЕЙЛОК: Шейлок — мое имя.

«Венецианский купец», акт IV, сцена 1¹

Стоит один из тех зимних дней, обычных для февраля на севере Англии, когда больше хочется умереть, чем жить. Пространство между землей и небом напоминает узкую щель для писем, заполненную спрессованным светом, а само небо неизъяснимо банально. Неподходящая декорация для трагедии — даже здесь, среди мертвых. На кладбище всего двое посетителей, занятых исполнением обязанностей сердца². Глаз они не поднимают: в этих местах человек вынужден вести с погодой войну, если не хочет сделаться героем фарса.

Следы именно такой борьбы запечатлены на лице первого из скорбящих, человека средних лет и неопределенной осанки, который то идет с горделиво поднятой головой, то сутулит плечи, словно надеется, что его не заметят. Рот его тоже непостоянен и обманчив: губы то

---

¹ Перевод Т. Щепкиной-Куперник. — *Здесь и далее прим. перев., если не указано другое.*

² Отсылка к книге раввина Бахье ибн Пкуда «Учение об обязанностях сердца» (ивр. «Ховот Алевавот»), посвященной вопросам иудейской этики.

Говард Джейкобсон

кривятся в усмешке, то мягко приоткрыты, ранимые, как спелый летний плод. Это Саймон Струлович — богатый, вспыльчивый, мнительный филантроп, быстро увлекающийся и так же быстро остывающий. Он известен благодаря своей выдающейся коллекции старинных Библий и англо-еврейского искусства XX века; страстному увлечению Шекспиром, чей гений и внешность бесшабашного сефарда, как считал когда-то Струлович, можно объяснить только одним: прежде чем стать Шекспирами, предки драматурга носили фамилию Шапиро (впрочем, он в этом больше не уверен); почетным докторским степеням лондонского, манчестерского и тель-авивского университетов (хотя в достоинстве своей тель-авивской степени он тоже не уверен), а также сбившейся с пути дочери. Сюда он пришел, чтобы осмотреть камень, недавно воздвигнутый на могиле матери, со дня смерти которой уже прошло двенадцать положенных месяцев траура. Струлович оплакивал ее не очень добросовестно — был слишком занят продажей и покупкой картин, слишком занят своими фондами и благотворительной деятельностью, или «благодетельствованием», как со смесью гордости и беспокойства называла ее мать — боялась, как бы сын не раздал все подчистую и не пустил себя по миру, — слишком занят мысленным сведением счетов, слишком занят дочерью. Однако Струлович намерен искупить свою вину. Никогда не поздно стать примерным сыном.

Или примерным отцом. Быть может, на самом деле он готовится оплакивать дочь? Это у них в роду. Отец

Меня зовут Шейлок

тоже какое-то время его оплакивал: «Для меня ты умер!» И все из-за чего? Из-за вероисповедания сыновней невесты. А ведь отца никак нельзя было назвать человеком религиозным.

«Лучше бы ты лежал мертвым у моих ног...»

Неужели так правда было бы лучше?

Мы одержимы смертью, думает Струлович, бредя между безымянных надгробий. «Мы» — идея общности, под которой он иногда подписывается, а иногда нет. Мы приходим на новое место, неся на палке узелок со своим добром и радуясь, что живы, и тут же начинаем подыскивать, где бы похоронить предавших нас детей.

Возможно, именно злоба, которая предшествует погребению, лишает кладбище утешительной красоты. В студенческие годы, когда в словаре Струловича еще не было слова «мы», он написал работу о картине Стэнли Спенсера «Воскресение. Кукхем». Его восхищало оживленное бурление Спенсеровских могил: нетерпеливая жизнь рвется наружу, мертвые спешат навстречу тому, что ждет их впереди. Однако здесь не церковное кладбище в беркширской деревушке, здесь кладбище ветхозаконников в Гэтли, что на юге Манчестера. У местных мертвых нет никакого «впереди», все заканчивается тут.

Земля припорошена снегом, грязно-черным в тени гранитных надгробий. Он пролежит до самого лета, если лето когда-нибудь настанет.

Второй скорбящий, пришедший задолго до Струловича, нежно беседует с обитательницей могилы, надгробие

Говард Джейкобсон

которой совсем истерлось от времени. Это Шейлок, еще один озлобленный и бурный еврей; впрочем, его злоба скорее саркастического свойства, а буря стихает, когда он в обществе своей жены Лии, похороненной глубоко под снегом. Внутренне Шейлок не так раздвоен, как Струлович, но, вероятно, именно поэтому вызывает больше разногласий. Невозможно отыскать двух людей, которые были бы о нем единого мнения. Даже те, кто откровенно его презирает, презирают его с разной степенью откровенности. У Шейлока есть финансовые трудности, от которых Струлович избавлен, он не коллекционирует ни картин, ни Библий, и ему тяжело проявлять милосердие к людям, если они не милосердны по отношению к нему, хотя именно в этом, как утверждают некоторые, и состоит вся суть милосердия. Что же до его дочери, то чем меньше о ней будет сказано, тем лучше.

В отличие от Струловича, Шейлок на кладбище не случайный гость. Он не может уйти и отвлечься, он не умеет ни забывать, ни прощать, а потому для него никогда не будет ничего другого.

Струлович, прервав свои размышления, чувствует присутствие Шейлока еще прежде, чем замечает его. Это как удар по шее — будто кто-то осквернил святость кладбища, кидаясь снежками.

До слуха Струловича долетают слова «дорогая Лия». Они падают в обледенелую могилу, точно благословение. Здесь, должно быть, много Лий. Мать Струловича тоже звали Лия. Но имя этой Лии вызывает чувство неизбывной жалости, которое Струлович, знаток в вопросах

Меня зовут Шейлок

супружеской скорби и отцовского гнева, не спутает ни с чем. Лия, что еще в пору сватовства купила Шейлоку кольцо. Лия, мать Джессики, укравшей это кольцо, чтобы купить обезьяну. О Джессика, воплощение вероломства! За целую обезьянью рощу не расстался бы Шейлок с тем кольцом¹.

Да и Струлович тоже.

Выходит, слово «мы» для Струловича все-таки что-то значит. Джессика предает и его веру.

Этих немногих признаков достаточно, чтобы узнать Шейлока — других Струловичу не нужно. В подобной встрече нет ничего неожиданного. Разумеется, Шейлок здесь, среди мертвых. Где же еще ему быть?

Одиннадцатилетний, не по годам усатый и не в меру умный Струлович бродил по большому универсальному магазину вместе с матерью, когда она увидела Гитлера, покупающего лосьон после бритья.

— Скорее, Саймон! — прошептала мать. — Сбегай за полицейским, а я останусь и прослежу, чтобы он не скрылся.

Но ни один полицейский не поверил, что в магазине Гитлер, и в конце концов фюреру удалось ускользнуть.

Сам Струлович тоже не поверил и дома позволил себе пошутить на этот счет.

— Не смей дерзить матери! — оборвал его отец. — Если мать говорит, что видела Гитлера, значит, она ви-

---

¹ «Я бы не отдал ее за целую обезьянью рощу!» У. Шекспир, «Венецианский купец». Акт III, сцена 1. Здесь и далее цитаты из «Венецианского купца» приводятся в переводе Т. Щепкиной-Куперник.

Говард Джейкобсон

дела Гитлера. В прошлом году твоя тетка Энни встретила на стокпортском рынке Сталина, а мне в твоём возрасте довелось наблюдать, как Моисей переплывает на лодке озеро в Хитон-парке.

— Не может быть, — ответил Струлович. — Моисей просто повелел бы водам расступиться.

За столь остроумное замечание отец отправил мальчика к себе в комнату.

— Может, это был Ной? — прокричал Струлович с верхней площадки лестницы.

— А за это, — сказал отец, — останешься без ужина.

Однако мать тайком принесла ему сэндвич, точно Ревекка Иакову.

Повзрослевший Струлович понимает еврейское воображение куда лучше — понимает, почему оно не ограничено ни хронологией, ни топографией, почему евреи никогда не могут быть уверены, что прошлое осталось в прошлом, и почему его мать, вполне возможно, действительно видела Гитлера. Струлович не талмудист, но иногда прочитывает страницу-другую из маленького, отпечатанного в частной типографии сборника лучших цитат. Прелесть Талмуда в том, что он позволяет закоренелым бунтарям встретиться лицом к лицу и поспорить с другими, давно умершими бунтарями.

Что-что вы думаете, Раба бар Нахмани?¹ Да пошли вы!..

---

¹ Раба бар Нахмани (282—322) — вавилонский амора (мудрец эпохи составления Талмуда), часто упоминаемый в текстах просто как Раба.

Меня зовут Шейлок

Существует все-таки загробная жизнь или нет? Как по-вашему, рабби?

В ответ Раба бар Нахмани, стряхнув погребальные пелены, показывает Струловичу средний палец.

«Давно» значит сейчас, а «там» значит здесь.

Только глупец рискнул бы вызвать неудовольствие Шейлока вопросом, как получилось, что Лия похоронена среди покойников Гэтли. Подробности погребения — все эти «где» и «когда» — ему в высшей степени безразличны. Она под землей — вот и все, что имеет значение. Живая, Лия была для него повсюду, и с ее смертью — Шейлок давно так решил — ничего не изменилось.

Струлович, напряженно внимательный, словно второстепенный музыкальный инструмент, настраивающийся на главный, незаметно наблюдает. Он готов простоять так хоть целый день, если придется. Судя по поведению Шейлока — по тому, как он склоняет голову набок, кивает, поглядывает то влево, то вправо, косится в сторону, точно змея, — беседа с Лией настолько нежна и увлекательна, что Шейлок не видит ничего вокруг. Однако боли в их беседе больше нет — это теплый, но легкий, даже обыденный разговор двух близких людей. Шейлок слушает столько же, сколько говорит, обдумывает сказанное Лией, хотя наверняка не раз слышал от нее нечто подобное. В руке у него книга в мягкой обложке, свернутая трубочкой наподобие официального документа или пачки банкнот в кулаке у гангстера. То и дело Шейлок раскрывает ее, будто с намерением вырвать страницу, и

вполголоса зачитывает что-то Лии, прикрывая рот ладонью, словно не хочет выставлять свое веселье напоказ. Но если это смех, думает Струлович, то ему пришлось проделать долгий путь, потому что идет он от мозга. В памяти всплывает фраза из Кафки, еще одного несчастного сына на этом поле битвы: «Такой смех, который можно издать без легких»¹. Быть может, как смех самого Кафки. «И мой тоже?» — спрашивает себя Струлович. Смех, запятанный слишком глубоко для легких? Что же до шуток, если, конечно, это шутки, то они сугубо личного свойства. Возможно, не вполне пристойного.

Он здесь как дома, думает Струлович, не то что я. Как дома среди могил. Как дома в супружестве.

Его поражает разница между положением Шейлока и собственным. Матримониально-послужной список Струловича довольно непригляден. С первой женой они умудрились превратить совместную жизнь в маленький домашний ад. Не потому ли, что она была христианкой? «Гей ин дрерд!»² — воскликнул отец, когда узнал, что сын женится не на еврейке. «Отправляйся в ад!» И не просто в ад, а в самый огненный его круг, куда попадают те, кто женится на девушках другого вероисповедания. В вечер перед свадьбой отец оставил на автоответчике еще менее двусмысленное сообщение: «Для меня ты умер!» Второй брак Струловича — на сей раз с дочерью Авраамовой, в честь чего отец отменил свое проклятие и назвал его по

---

¹ Франц Кафка, «Забота главы семейства». Перевод С. Анта.

² Дословно: «Иди в землю» (*идиши*). Распространенное проклятие.

Меня зовут Шейлок

телефону Лазарем, — был внезапно и жестоко прерван, оказался в подвешенном состоянии, похожем на чувство, когда ждешь новостей и надеешься, что они не придут. На четырнадцатый день рождения дочери у жены Струловича случился инсульт, она почти лишилась памяти и способности говорить, а сам он обесточил ту часть сердца, которая отвечает за супружеские чувства.

Вот тебе и супружество! Теряешь либо отца, либо жену.

Чувство жалости к себе знакомо Струловичу не понаслышке. Лия для Шейлока жива в большей степени, чем бедная Кей для меня, думает он и впервые за день замечает, какой стоит холод.

Присмотревшись, Струлович обращает внимание, что спина и плечи Шейлока напряжены. Ему вспоминается герой старого комикса, боксер (или, быть может, рестлер?), которого всегда окружали волнистые линии, изображающие силовое поле. «Интересно, а как нарисовали бы меня? — думает Струлович. — Какими символами можно передать мои чувства?»

— Только представь себе! — говорит Шейлок Лии.

— Что «представь себе», любовь моя?

— Что можно завидовать Шейлоку.

Какой же у нее чудесный смех!..

На Шейлоке длинное черное пальто, полы которого он придерживает, чтобы не испачкать в снегу. Шейлок сидит на складном табурете вроде тех, которые берут с